

A man with a backpack is seen from behind, looking towards a large wooden cabin in a mountainous landscape. The cabin is situated on a rocky bank next to a stream. In the background, there are snow-capped mountains and a dense forest of evergreen trees. The scene is bathed in soft, natural light, suggesting a peaceful, remote location.

Сергей Патрушев

Парень с Урала

Сергей Патрушев
Парень с Урала

«Автор»

2026

Патрушев С.

Парень с Урала / С. Патрушев — «Автор», 2026

Иван, парень с сурового Урала, после неудачной попытки учебы в городе возвращается в родную деревню Сосновую Гриву. Он решает не бежать от трудностей, а менять жизнь вокруг себя, начав с малого: своими руками строит микро-ГЭС на горном ручье, чтобы дать людям стабильный свет. Его упорство и умение «думать руками» сначала вызывают недоверие, затем восхищение, а после — жесткое противодействие. На него ополчаются и корпорация, жаждущая добывать здесь руду, и бюрократическая система, и энергетические монополисты. Но Иван не сдаётся. Вокруг его дела сплачивается сообщество — от местных умельцев и мудрого деда до городских энтузиастов. Из искры рождается пламя: учебный центр «Уральская мастерская», а затем и целая «Сеть» взаимопомощи для таких же, как он, по всему региону. Его борьба перерастает из защиты одной станции в созидание новой модели жизни — автономного, устойчивого поселения, где традиции встречаются с инновациями.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Парень с Урала

Глава первая

Утро начиналось не с рассвета, а со стука топора по мерзлому полену. Звук этот – твердый, отрывистый, эхом уходящий в предрассветную мглу – был первым словом нового дня в поселке Сосновая Грива. Иван, уже по привычке, сосчитал удары: семь. Дед Семеныч всегда рубил ровно семь поленьев для утренней растопки, не больше, не меньше. «На первый день недели, – говорил он, – чтобы все ладно складывалось». Иван повернулся на скрипучей железной койке, укрытый тяжелым, пахнущим тайгой и дымом стеганым одеялом, и смотрел в темноту, где угадывалось квадратное окошко. За ним, за этим стеклом, промерзшим по краям причудливыми ледяными папоротниками, лежал его мир. Необъятный, суровый, вечно заснеженный Урал.

Он не сразу понял, что проснулся от тишины. Топор замолк. Значит, дрова уже лежат аккуратным срубом у порога, и дед, отдышавшись, стоит, опершись на топорище, и смотрит туда, где за зубчатой чертой елей и пихт должно взойти солнце. Иван встал. Холодный воздух обжег легкие, заставил вздрогнуть. Он натянул на себя поношенный, но добротный свитер, штаны, стоптанные валенки. В сенях пахло снегом, хвоей и чем-то вечным – кореньями, кожей, холодным деревом.

Дед стоял на крыльце, как и предполагал Иван. Невысокий, кряжистый, в старой телогрейке нараспашку, несмотря на мороз. Его лицо, изрезанное морщинами глубоко и основательно, как русла древних рек, было обращено на восток. Он не обернулся, но почуял внука.

– Чуешь? – хрипло спросил дед, и пар от его дыхания закружился сизой дымкой.

– Что, дед?

– Тишину. Настоящую. Мороз под сорок припал. Воздух звенит.

Иван прислушался. И правда, тишина была не пустой, а плотной, звенящей, как натянутая струна. Ни ветерка. Ни шелеста. Только собственное сердцебиение в ушах и этот высокий, почти не слышимый звон в самом воздухе – песня лютого холода. Поселок, укрытый толстым снежным одеялом, спал. Дым из труб поднимался столбами прямо в безветренное небо, бледно-лиловое на востоке.

– Сегодня в школу? – спросил дед, наконец поворачиваясь. Его глаза, цвета старого олова, смотрели внимательно и прямо.

– Да. Последняя неделя перед каникулами. Контрольная по математике.

– Математика... – дед усмехнулся, обнажив крепкие желтоватые зубы. – Это хорошо. Цифры не врут. Они как карта тайги: если знаешь, где какая сопка да изгиб реки, не заблудишься. С жизнью так же. Сбился с пути – вернись к цифрам, к фактам. Они точку стояния укажут.

Они вошли в дом, в тепло, пахнущее свежее испеченным хлебом и тлеющими в печи сосновыми лучинами. Бабушка Аксинья, молчаливая и быстрая, как птичка, уже хлопотала у печи. На столе стоял глиняный кувшин с парным молоком и тарелка с дымящимися лепешками. Завтрак прошел в тишине, нарушаемой только скрипом половицы под ногами Аксиньи да трес-

ком поленьев. Но тишина эта была не неловкой, а привычной, насыщенной невысказанными мыслями и давним взаимопониманием.

Провожая Ивана, дед положил тяжелую руку ему на плечо.

– После школы зайди к Гаврилычу, возьми подшипники, что я заказывал. Да смотри, не болтайся. Стемнеет быстро, а холод зверюга – не дремлет.

– Я не маленький, дед.

– Маленький не маленький, а тайга всех возрастов одинакова. Она, брат, как зеркало: что ей покажешь, то и получишь. Покажешь слабинку – задавит. Покажешь уважение – может, и дорогу выведет.

Иван кивнул, застегнул тулупчик, подаренный дедом на шестнадцатилетие, и вышел. Солнце, огромное и багровое, только-только выползло из-за хребта, окрасив снега в кроваво-розовые и сиреневые тона. Тени от домов были длинными и синими, как пролитая тушь. Снег под ногами скрипел жалобно и громко, нарушая царящую тишину. Поселок просыпался: хлопали двери, где-то завелся мотоцикл, срываясь на визгливый кашель, кричали дети, собирающиеся в школу.

Школа была в двух километрах, в более новом, «центральном» поселке с нелепым названием «Прогресс». Иван шел знакомой тропой, проложенной по снежной целине между высоких сугробов. Справа и слева стеной стояла тайга. Темная, молчаливая, неодолимая. Здесь, на тропе, он был в безопасности. Но стоило шагнуть в сторону, под сень вековых кедров и елей – и попадал в другой мир, живущий по своим, древним и безжалостным законам. Он любил эту тропу. Здесь он думалось. О школе. О будущем. О том, что ждет его за хребтом, за пределами этого уютного, но тесного мирка.

Отец Ивана погиб на шахте, когда тому было пять. Мать, не вынеся горя и тяжести жизни в поселке, уехала в город, в Нижний Тагил, оставив сына на попечение стариков. Сначала присылала письма и мелкие деньги, потом и то, и другое стало приходить все реже, а три года назад прекратилось совсем. Иван не обижался. Он помнил ее руки, теплые и мягкие, и грустные глаза. И понимал, что здесь, в Сосновой Гриве, она угасала, как цветок без солнца. Дед с бабкой стали ему и отцом, и матерью, и мудрыми наставниками. Они научили его главному: слышать лес, чувствовать металл, уважать труд и не бояться тишины внутри себя.

В школе он был своим, но немного отдельно. Не из-за скромности или бедности – здесь все жили примерно одинаково. А из-за этой внутренней тишины, этой не по годам основательности, перенятой у деда. Он не лез в драки, но и спуску никому не давал. Учился ровно, но без блеска, кроме физики и черчения, где его руки, привыкшие к инструменту, творили чудеса точности. Его уважали, но побаивались немного. Чували в нем какую-то глубинную силу, опору, как у старой лиственницы на скале.

Контрольную он написал одним из первых, четко и аккуратно выведя решение задач в тетради. Учительница, Марья Петровна, посмотрела на его работу и кивнула с одобрением. После уроков, когда все с шумом ринулись по домам, Иван задержался в пустующем классе, глядя в окно. «Прогресс» с его пятиэтажными блочными домами, гремющей котельной и покосившимся памятником Ленину казался ему чужеродным, нелепым наростом на теле тайги. Его дом был там, в Сосновой Гриве, где каждое бревно дома помнило руки строителя, а за каждым плетнем начиналась бесконечная вселенная леса.

Мастерская Гаврилыча помещалась в старом гараже на окраине «Прогресса». Внутри пахло машинным маслом, металлической стружкой и сигаретным дымом. Сам Гаврилыч, бородатый великан с руками, испачканными в солидоле, молча протянул Ивану сверток, туго перевязанный бечевкой.

– Держи. Семеньчу передавай, что сталь хорошая, шведская. И что он мне еще за ту прошлогоднюю лебедку должен.

– Передам, – кивнул Иван, пряча сверток в рюкзак.

– Куда путь держишь? Небось, домой? – Гаврилыч закурил, прищурившись. – Слухай, пацан. Слышал, по Гремячему ручью следы видели. Крупные. Медведь, али кто. Шатун, не иначе. Ты как раз через перевал идешь. Озирайся.

Путь домой лежал через перевал Гремячий, названный так по ручью, который весной несся с такой яростью, что грохот стоял на всю округу. Сейчас ручей спал под двухметровой толщей снега и льда. Тропа вилась по склону, местами сужаясь до узкой карнизы над глубоким логом. Солнце уже садилось, окрашивая снега в холодные синие и фиолетовые тона. Тихо стало как-то по-особенному, зловеще. Даже скрип снега под валенками казался слишком громким.

Иван шестнадцать лет жил в этих местах и с молоком матери впитал страх и уважение к тайге. Он не был суеверен, как старики, но верил чутью. А сейчас чутье тревожно щемило под ложечкой. Он остановился, снял рукавицу и нагнулся, рассматривая снег у края тропы. След. Свежий, глубокий, с отпечатками мощных когтей. Не собачий, не лосиный. Медвежий. И очень крупный. И шел он не поперек тропы, а вдоль нее, в ту же сторону, что и Иван.

Сердце его застучало чаще. Шатун. Медведь, не залегший в спячку, – самое опасное, что могло быть в зимнем лесу. Голодный, злой, непредсказуемый. Иван выпрямился, прислушался. Тишина. Та самая, звонкая дедова тишина, но теперь она была полна скрытой угрозы. Он знал правила: не бежать, не показывать страха, но и не искушать судьбу. Нужно было или вернуться в «Прогресс», или идти вперед, но приготовившись. Дом был ближе. Да и дед ждал.

Он снял с плеча рюкзак, достал оттуда топорик-чекушку, который всегда носил с собой. Небольшой, но острый, с рукоятью из березового капа. Затем взял в свободную руку увесистую еловую шишку. Иногда резкий звук мог отпугнуть зверя. И пошел дальше, замедлив шаг, вглядываясь в голубоватые сумерки, сгущавшиеся между деревьями.

Он увидел его, когда вышел на открытое место у старой вырубки. Медведь стоял метров за пятьдесят, прислонившись к огромному пню, и смотрел прямо на него. Темная, лохматая гора на фоне белого снега. Глаз не было видно, но Иван чувствовал на себе этот тяжелый, голодный взгляд. Он замер. В ушах застучала кровь. Все знания, все рассказы деда сплелись в единый, холодный клубок в сознании. Не двигаться. Не смотреть в глаза, но и не отводить взгляд полностью. Дать понять, что ты есть, что ты не добыча.

Он медленно, очень медленно поднял руку с шишкой и изо всех сил швырнул ее не в зверя, а в сторону, в гущу сухого кустарника. Сухой треск, похожий на выстрел, гулко прокатился по морозному воздуху. Медведь вздрогнул, недовольно повел головой. Иван, не отрывая от него взгляда (теперь он видел два тусклых, глубоко посаженных огонька), начал пятиться к опушке леса, где тропа снова уходила в чащу. Шаг. Еще шаг. Медведь фыркнул, пар из ноздрей встал густыми столбами. Он сделал шаг вперед. Огромная лапа бесшумно утонула в снегу.

Иван почувствовал, как по спине бегут мурашки. Он продолжал пятиться, сжимая рукоять чекушки так, что пальцы заболели. Еще несколько метров – и он окажется у поворота тропы. Медведь, казалось, раздумывал. Голод боролся в нем с врожденной осторожностью. И, к ужасу Ивана, голод начал побеждать. Зверь опустил голову и, издав низкое, булькающее урчание, двинулся к нему. Уже не шагом, а быстрой, развалистой рысью.

Бежать было бесполезно. Иван знал это. Он уперся ногами в снег, широко расставил их, приняв устойчивую позу. В голове пронеслись обрывки мыслей: о деде, о теплой печке дома, о недописанном сочинении... И вдруг – абсолютная, ледяная пустота. Страх исчез. Осталось только действие. Он громко, гортанно, как учил дед в критических ситуациях, крикнул:

– Пошёл вон! Слышишь? Вон!

И швырнул под ноги приближающемуся зверю свой рюкзак с подшипниками. Тот глухо ударился о снег. Медведь, не ожидая такого резкого движения и звука, замер на мгновение, в недоумении тыча носом в незнакомый предмет. Этого мгновения хватило.

Справа, со стороны леса, грянул выстрел. Затем второй. Негромкие, хлопающие – это была мелкокалиберная винтовка, «мелкашка». Пули не убьют медведя, но напугают и, возможно, ранят. Зверь взревел, больше от неожиданности и обиды, чем от боли, развернулся и, ломая кусты, бросился прочь, в глубь леса, оставляя за собой взметенную снежную пыль.

Из-за стволов вышел дед Семеныч. В руках он держал старую, выдавшую виды винтовку. Лицо его было серо, как пепел, но руки не дрожали.

– Цел? – только и спросил он хрипло.

– Цел, – выдохнул Иван, и вдруг его всего затрясло, так что застучали зубы.

Дед быстро подошел, схватил его за плечи, потряс сильно, будто проверяя на прочность, и вдруг прижал к своей колючей телогрейке, пахнувшей дымом и потом.

– Молодец, – прошептал он ему в макушку. – Не побежал. Это главное. Побежишь – конец. Молодец, Ваня.

Они стояли так посреди потемневшей вырубki, а над ними вспыхивали первые, невероятно яркие уральские звезды. Холод снова обступил их, но теперь он был не страшен. Потому что они были вместе. Потому что Иван прошел свою первую, настоящую проверку. Не школьную контрольную, а ту, что назначает сама жизнь в этих суровых краях. И выстоял. Он почувствовал это каждой клеткой своего тела. Он не просто парень с Урала. Он – часть этого камня, этого леса, этого неба. И этот урок был важнее всех остальных.

– Пойдем, – сказал дед, отпуская его. – Бабка ужин ждет. И подшипники ты, я смотрю, все же добыл. – Он кивнул на смятый рюкзак.

Иван поднял его, отряхнул снег. Рука уже не дрожала.

– Добыл, дед. Не пропадать же добру.

– То-то же, – хмыкнул старик, и они пошли по тропе к дому, к теплу, к свету в окошке, который уже виднелся вдалеке, желтой и неугасимой точкой в наступившей ночи. А за спиной у них, в черной чаще, воцарилась та самая, великая и беспристрастная уральская тишина.

Глава вторая

Испытание на Гремячем перевале оставило в Иване глубокий, невидимый шрам, как морозный узор на стекле. Не страх, а скорее понимание хрупкости той грани, что отделяет привычный, упорядоченный мир людей от древнего и безжалостного мира природы. Эта мысль не отпускала его даже дома, в тепле и уюте, под мерный перезвон бабушкиных спиц, вязавшей у печки очередной шерстяной носок.

Дед в тот вечер подробностей не выпрашивал. Он лишь поставил на стол глиняную кружку с чем-то горьким и пахучим – не спирт, а какая-то настойка на кореньях, «для сугреву души», как он выразился. Иван отпил глоток, и по телу разлилось жгучее тепло, отгоняя остатки нервной дрожи.

– Медведь был старый, – сказал дед, разглядывая огонь в печи. – Клык сломан, судя по следу. Такой зверь от сородичей отбивается, в берлогу поздно ложится, а то и вовсе не ложится. Голод и злоба его гложут. Самый опасный.

– Как ты узнал? – спросил Иван. – Что я там... что он там.

– Чуюлось, – просто ответил дед. – Да и Гаврилыч, болтун, мне по радиации намаял про следы. Не мог я тебя одного пустить. А крик твой я услышал за версту. Голос верный, твердый. Не звериный вопль, а человеческий окрик. Это важно.

Они помолчали. Бабушка Аксинья, не проронив ни слова, подлила Ивану в тарелку густых, наваристых щей. Ее молчание было красноречивее любых расспросов – в нем читались и страх, и облегчение, и гордость.

На следующее утро Иван проснулся с необычным чувством. Мир за окном был прежним: то же свинцовое небо, те же заиндевелые ели, тот же мороз, рисующий на стекле фантастические леса. Но внутри что-то изменилось. Как будто он сдал важный экзамен и получил право на что-то большее. На доверие. Не только деда, но и самой этой земли.

Дед разбудил его раньше обычного.

– Вставай. Сегодня не в школу.

Иван удивленно протер глаза. Дед стоял посередине комнаты, одетый в свой лучший, хоть и потертый, ватник, подпоясанный ремнем с массивной пряжкой.

– Собирайся. Поедем в город.

Город. Нижний Тагил. Для Ивана это было почти мифическое место, шумное и далекое, как Москва. Он бывал там считанные разы – по серьезным надобностям: купить хороший инструмент, съездить в больницу, когда у бабушки прихватило сердце. Поездка всегда была событием.

Они выехали на дедовом «бобике» – ушатанном, но верном ВАЗ-2106, который заводился с полтычка даже в лютый холод. Дорога, сначала грунтовая, ухабистая, потом асфальтовая, но не лучше, вилась меж белых полей и темных островков леса. Дед молчал, сосредоточенно вращая баранку, объезжая колдобины. Иван смотрел в окно. Знакомые до боли пейзажи сменялись другими, столь же суровыми, но чужими. Появились поселки побольше, с заброшенными фабричными корпусами, ржавеющими элеваторами. Потом показались первые мно-

гоэтажки, как серые скалы, дымящие трубы заводов, нависшие над всем этим стальным горизонтом.

Воздух в городе был другим – густым, с привкусом гари, металла и чего-то химического. Звуки обрушились лавиной: гул машин, грохот трамваев, отдаленная сирена, обрывки музыки из кафешек, гомон людских голосов. Иван почувствовал себя чужим. Его уши, привыкшие к тишине или к чистым звукам леса – скрипу снега, шелесту ветра, стуку дятла, – отказывались сортировать этот какофонию. Он инстинктивно втянул голову в плечи.

Машина нырнула в лабиринт дворигов старого района, остановилась у пятиэтажки цвета грязного охры. Дед выключил двигатель и долго сидел, глядя на подъезд с облупленной дверью.

– Здесь, – наконец сказал он. – Поднимайся на третий этаж, квартира сорок шесть. Спросишь Марью Степановну. Скажешь, от Семена. Отдашь ей это. – Он протянул Ивану холщовый мешочек, туго перевязанный. Внутри что-то звенело. – И возьмешь у нее коробку. Она тебе отдаст. Жди у подъезда. Я в гараж отъеду, тут места нет.

Вопросы бурились в голове у Ивана, но дедово лицо было замкнутым и непроницаемым. Он просто кивнул, взял мешочек и вышел.

Лестничная клетка пахла кошачьим кормом, сыростью и старыми обоями. Он нашел квартиру сорок шесть и позвонил. Дверь открыла немолодая женщина в очках с толстыми линзами, в простом домашнем платье. У нее было усталое, бледное лицо, но глаза – живые и очень внимательные.

– Я от Семена, – сказал Иван, чувствуя неловкость. – Дед мой.

Лицо женщины смягчилось, в нем мелькнуло что-то теплое, почти родственное.

– Входи, Ваня. Я тебя ждала.

В небольшой, но уютной квартире, заставленной книгами и горшками с геранью, пахло чаем и пирогами. Марья Степановна, не расспрашивая ни о чем, посадила его за стол, налила чаю в граненый стакан.

– Семен писал, что ты парень надежный. Что с медведем справился. – Она внимательно посмотрела на него поверх очков. – Это важнее любой похвальной грамоты.

Иван покраснел. Ему было странно, что здесь, в этом чужом городе, кто-то знает о вчерашнем событии.

– Как... дед вам написал?

– Рация, – улыбнулась женщина. – У нас, стариков, своя сеть. От Сосновой Гривы до самого Тагила. Не телефоном единым. – Она взяла принесенный им мешочек, развязала, высыпала на стол несколько старинных, потемневших от времени серебряных монет и пару небольших, тщательно завернутых в ткань самородков золота. Не богатых, но настоящих. – Семен всегда рассчитывается. Не деньгами, а тем, что имеет ценность. Я ему – знаниями, он мне – вот этим. По-честному.

Она ушла в другую комнату и вернулась с картонной коробкой, оклеенной потертыми обоями.

– Это для тебя. Открывай здесь не нужно. Дома. С дедом. Смотри, не потеряй по дороге.

Коробка была не тяжелой, но Иван почувствовал ее вес – не физический, а какой-то иной. Он пил чай, ел пирог с капустой, слушая неторопливые рассказы Марьи Степановны о том, как она когда-то работала учительницей в Сосновой Гриве, учила самого его отца, а потом, после

аварии на шахте, помогала деду с бабушкой оформлять бумаги. Она была звеном, связующим его прошлое, о котором он знал так мало, с настоящим.

Когда он вышел на улицу, дед уже ждал его у машины. Они молча поехали обратно. Только когда последние городские дома остались позади и их снова окружила белая пустыня полей, дед заговорил.

– Марья Степановна – человек. Настоящий. Таких мало. Она хранительница. Не только книг. Памяти. – Он помолчал. – В той коробке, Ваня, не вещи. Ответы.

Дома, растопив печь и отогревшись, они вскрыли коробку. Бабушка села рядом, сложив руки на коленях. Внутри, переложённые пожелтевшими газетами, лежали папки, тетради в коленкоровых переплетках, несколько фотографий в картонных рамках. Иван с замиранием сердца взял первую фотографию. Молодой, улыбающийся мужчина в шахтерской каске, обнявший хрупкую женщину с светлыми волосами. Отец. Мать. Такие, какими он их почти не помнил. На обороте дрожащим почерком было выведено: «Сергея и Таня. Свадьба. 1988 год».

Дед тяжело вздохнул и стал выкладывать на стол другие вещи. Школьный дневник отца, испещренный замечаниями и смешными рисунками на полях. Грамоты за спортивные достижения. Плотная папка с чертежами и расчетами – дипломная работа отца, горного технолога. А потом – толстая тетрадь в синей обложке. Дневник.

– Я не читал, – тихо сказал дед, отодвигая тетрадь к Ивану. – Это твое. Твое право и твоя обязанность. Чтобы знать, от каких корней ты растешь.

Иван с благоговением открыл первую страницу. Бойкий, уверенный почерк. «5 сентября 1985 года. Сегодня первый день в институте. Все кажется огромным и чужим. Но я выдержу. Я должен. Для себя. Для отца. Для Тани...» Он отрывался от строк с трудом. Голос отца, молодой, полный надежд и сомнений, звучал с этих пожелтевших страниц громче любого живого слова. Здесь был не просто незнакомый ему родитель, а человек. Со своими мечтами, страхами, радостями.

Он читал до глубокой ночи, пока свеча не начала коптить стекло керосиновой лампы. Читал о студенческой дружбе, о первой встрече с матерью на танцах в клубе «Горняк», о сложных экзаменах, о поездке на карпатские курорты по профсоюзной путевке. Мир, описанный в дневнике, был другим – более просторным, полным иных возможностей. Но сквозь строки проступала и тоска по дому, по тайге, по «крепкой дедовой руке на плече».

Иван дошел до последних записей. Они стали короче, отрывистее. Работа на шахте, усталость, радость от рождения сына – его самого. «25 ноября. Ваня сегодня впервые сам перевернулся со спины на живот. Таня плакала от счастья. Кажется, ради этого одного момента стоит жить...»

Последняя запись была датирована за три дня до аварии. «Что-то гнетет. Не по себе. Старая выработка, где мы сейчас работаем, поет нехорошо. Скрипит, стонет по-ночному. Говорил мастеру – отмахнулся. «План, Серега, план». Завтра поговорю с отцом. Он знает в пороках толк...»

Дальше – пустые страницы.

Иван закрыл тетрадь. В избе стояла тишина, нарушаемая только потрескиванием углей в печи. Глаза его горели, в горле стоял ком. Но это были не слезы горя. А чего-то большего. Как будто он нашел недостающий кусок пазла в собственной душе. Он теперь знал не просто факт: «отец погиб на шахте». Он понимал, кем тот был. Мечтал, любил, боялся, радовался. И погиб, возможно, из-за чужого равнодушия и погони за «планом».

Дед смотрел на него из темноты, его лицо было скрыто тенью.

– Теперь ты знаешь, – сказал он глухо. – Не просто знаешь. Ты помнишь. Память – она не про прошлое. Она про будущее. Чтобы не наступать на те же грабли. Чтобы понимать, зачем ты сам живешь.

Иван кивнул. Он не мог выговорить ни слова. В его руках лежала не просто стопка бумаг. Лежала ответственность. Перед этим молодым парнем с фотографии, перед его несбывшимися мечтами, перед самой этой землей, которая и породила его отца, и забрала его назад.

Он вышел на крыльцо. Ночь была морозной и ясной. Млечный Путь раскинулся по небу ослепительной, искрящейся рекой. Где-то далеко, в темноте, засветились зеленоватые огни – это «Прогресс» не спал. А здесь, в Сосновой Гриве, было тихо и пронзительно ясно.

Он был больше не просто внуком Семена, не просто парнем, который чудом ушел от медведя. Он стал наследником. Наследником памяти, наследником этой суровой красоты, наследником тихой, непоказной силы, что копилась в этих краях поколениями. И он чувствовал, как эта сила, медленная и неотвратимая, как движение ледников, наполняет и его самого.

Впереди была школа, выпускной, неизвестность. Но теперь у него за спиной был не просто дом. Была история. Были корни, уходящие глубоко, в самую толщу уральской земли. И с этим знанием можно было идти куда угодно. Даже в самое пекло. Даже в самую тьму. Потому что внутри теперь горел свой, неугасимый свет. Свет памяти.

Глава третья

Весна на Урале – не песня, а долгий, тягучий спор. Зима не сдается, цепляясь за землю коркой слежавшегося, почерневшего снега, за ночные заморозки, за колючие поземки в марте. Но солнце, еще робкое, уже набирает силу. Воздух перестает звенить от мороза и теперь пахнет сыростью, талой водой и прелой хвоей – острым, пробуждающим запахом.

Для Ивана весна началась не с капли, а с тяжелого, гулко го гула. Это рушился лед на реке Чусовой. Грохот, похожий на отдаленные взрывы или на тяжелые удары гигантского сердца земли, доносился со стороны долины, наполняя все вокруг первобытной мощью. Это был голос самой стихии, и он действовал на душу завораживающе.

Но личное, внутреннее пробуждение пришло к нему позже, в один из тех мартовских дней, когда снег на крышах начинал оседать, а сосульки, как стеклянные кинжалы, росли на глазах. В школу приехала комиссия из областного центра. Не обычная проверка, а с представителями какого-то технического вуза из Екатеринбурга. Цель – найти «перспективных абитуриентов с техническим складом ума», как объявили на торжественной линейке.

Ивана это не волновало. Планов ехать в Екатеринбург у него не было. Мысли его крутились вокруг других, более земных дел: нужно было помочь деду перебраться снегоход перед тем, как убирать его до следующей зимы, починить покосившийся забор, наловить в прорубях налимов – они перед нерестом особенно жирные. Учеба была важна, но как-то сама собой, без надрыва и честолюбивых мечтаний.

Его вызвали в кабинет физики. За столом, кроме Марьи Петровны, сидели двое незнакомцев: мужчина лет сорока с умными, усталыми глазами за очками и молодая женщина с внимательным, оценивающим взглядом.

– Иванов Иван, – произнес мужчина, глядя на бумаги. – По физике и математике твердая четверка, изредка пятерки. Черчение – стабильно отлично. Вот это что? – Он показал на лист, лежащий поверх папки.

Иван узнал свой эскиз. Не заданный на уроке, а набросанный на полях тетради от скуки во время лекции по литературе. Он изобразил в разрезе проект компактной гидроэлектростанции для малой реки, вроде их Гремячего ручья. Не фантастическую, а вполне реализуемую, с учетом сезонных колебаний уровня воды. Он даже рассчитал приблизительную мощность и набросал вариант турбины из подручных материалов – старых автомобильных деталей.

– Это... так, мысли вслух, – смущенно пробормотал Иван.

– Мысли? – переспросила женщина. Ее звали, как выяснилось, Анна Витальевна. – Это почти готовый предварительный расчет. Пусть и упрощенный. Где ты этому научился?

Иван пожал плечами.

– Дед показал, как вода мельницу крутит. Потом в библиотеке у Марьи Степановны книги старые по гидравлике смотрел. И просто... думалось.

Мужчина, представившийся профессором Кожевниковым, обменялся с Анной Витальевной многозначительным взглядом.

– «И просто думалось», – повторил он. – Знаешь, большинство твоих сверстников «думается» о других вещах. А ты о верньере, о КПД, о кинематических схемах. Почему?

Вопрос застал Ивана врасплох. Он никогда не задавался этим.

– Не знаю. Нравится, когда все сходится. Когда видишь, как из идеи, из чертежа, может получиться реальная вещь. Которая работает. Которая приносит пользу. Вот у нас в поселке свет часто глохнет. Дизель-генератор шумный, дорогой. А река-то течет всегда. Почему бы ее силу не использовать?

Он говорил все более уверенно, забыв о смущении. Говорил о том, что видел каждый день: о ветре, что гуляет по хребтам, о солнце, которого летом в избытке, о бросовом тепле от котельной, которое можно было бы пустить на обогрев теплиц. Это не были заученные формулы из учебника. Это была живая, выстраданная мысль, рожденная из самой жизни в этом суровом краю, где каждый ресурс на счету.

Профессор слушал, не перебивая. Потом откинулся на стул.

– У нас в университете есть программа, называется «Инженерный резерв». Для ребят из глубинки, показывающих нестандартный подход. Летняя школа, потом при успехе – целевое место. Тебе интересно?

Мир вокруг как будто качнулся. Екатеринбург. Университет. Инженер. Эти слова казались такими же далекими и нереальными, как полет на Луну.

– Я... мне нужно посоветоваться с дедом, – выдавил Иван.

Дед выслушал его вечером, не отрываясь от починки снегохода. Руки его, покрытые старой смазкой, продолжали ловко орудовать ключом.

– Университет, – протянул он, не глядя на внука. – Дело хорошее. Ум в порядок приводят. А главное – людей других увидишь, мир другой.

– Ты... отпустишь? – осторожно спросил Иван.

Дед наконец поднял на него глаза. В них, этих стальных, стариковских глазах, Иван прочел целую бурю: и гордость, и боль, и страх.

– Не отпущу. Отправлю. Есть разница. Птицу из гнезда не отпускают – она тогда падает. Ее выталкивают, чтобы летела. – Он вытер руки ветошью. – Твой отец тоже хотел учиться. Уехал. Вернулся инженером. Но вернулся-то он сюда, на Урал. Потому что звало. Тянет наша земля тех, кто ей кровно принадлежит. Тебя тоже потянет. Вопрос – зачем ты туда поедешь? За корочкой? За городской жизнью?

– Чтобы научиться, – твердо сказал Иван. – Чтобы потом здесь, может быть... чтобы свет не глох. Чтобы не на дизеле все держалось. Чтобы...

Он не нашел слов, чтобы объяснить тот зуд в кончиках пальцев, то желание не просто жить на этой земле, а улучшить ее, понять, приручить стихии, которые тут царят.

– Чтобы дело было, – кивнул дед. – Правильно. Тогда езжай. Посмотри. Попробуй. А там... а там видно будет. Сердце подскажет.

С этого дня мир для Ивана раскололся на «до» и «после». Теперь его «думания» обрели цель, фокус. Он с новой жадностью набросился на учебники, но не просто заучивая формулы, а ища в них ответы на свои конкретные вопросы. Как снизить потери при передаче энергии на расстояние? Какой аккумулятор лучше подходит для условий уральской зимы? Он достал из дедовых закровов старые журналы «Техника молодежи» и «Моделист-конструктор», зачитанные до дыр, и в них, среди описаний самодельных ветряков и солнечных батарей, нашел какую-то особую, домашнюю магию. Это не была абстрактная наука. Это было ремесло выживания и улучшения жизни, доведенное до уровня инженерии.

Анна Витальевна, оказалось, оставила ему несколько книг и свой email. Иван, впервые в жизни сев за компьютер в школьном классе информатики (дома интернета не было), с трудом выстукал свое первое письмо. Оно было простым, как его речь: «Здравствуйте. Прочел книгу про альтернативную энергетику. Возник вопрос про инерцию ветроколеса при резкой смене направления ветра. У нас на хребте такое часто. Как быть?»

Ответ пришел через неделю. Подробный, со схемами, формулами и рекомендациями. «Вы задаете сложные, прикладные вопросы, Иван. Это ценно. Продолжайте в том же духе. Жду ваших мыслей по поводу микроГЭС».

Эта переписка стала для него окном в другой мир. Мир, где его «думания» были не блажью, а предметом серьезного разговора. Он чувствовал себя золотоискателем, который наконец нашел крупинку настоящего золота в тоннах пустой породы.

Но параллельно с этим росло и другое чувство – оторванности. Теперь, глядя на одноклассников, которые грезили о переезде в город «к цивилизации» просто чтобы «пожить повеселее», он чувствовал пропасть. Их мечты казались ему плоскими, потребительскими. Они хотели от жизни брать. Он же, смутно, но все сильнее, чувствовал желание – отдавать. Вкладывать. Возвращать сюда, в этот суровый край, полученные знания. Это чувство было сродни тому, что он испытал, читая дневник отца – чувство долга, но не тяжелого, а естественного, как дыхание.

Однажды, в конце апреля, когда снег сошел с полян, обнажив прошлогоднюю бурую траву и первые, робкие ростки мать-и-мачехи, Иван поднялся на Гремячий перевал. Не по тропе, а напрямик, по склону, еще сырому и скользкому. Он хотел увидеть место своей встречи с медведем при свете дня.

Все выглядело иначе. Страшное логово сумерек и тишины теперь было просто старой вырубкой, залитой ярким, еще холодным солнцем. Снег стаял, обнажив валежник и камни. Иван нашел тот самый пень, у которого стоял медведь. Подошел, положил на него ладонь. Шероховатая, холодная древесина. Жизнь, прерванная пилой. И здесь же, у корней, он увидел первые, ярко-зеленые иглы молодой сосенки, пробивающиеся из мха.

Смерть и жизнь. Уход и возвращение. Холод зимы и упрямая сила весны. Все было в этом месте. И он стоял здесь, парень с Урала, наследник и ученик, на пороге своего выбора. Университет манил его, как манил когда-то отца. Но теперь Иван понимал, что поедет он не сбегаая. А за знаниями. Как воин за лучшим оружием. Чтобы вернуться. Чтобы эта сосенка у пня, и миллионы других деревьев, и реки, и ветра, и люди в этих маленьких, затерянных в тайге поселках – чтобы у всего этого было будущее. Не темное и зависимое, а светлое и самостоятельное.

Он повернулся и пошел обратно, к дому. Внизу, в долине, уже звенела вода, и где-то далеко, на другом склоне, пахал трактор, готовя землю к новому севу. Звук его мотора был негромким, но упорным. Как стук сердца этой земли. Сердца, в такт которому начинало биться и его собственное.

Глава четвертая

Лето на Урале – не время для отдыха. Это время титанической, молчаливой работы самой земли, и люди здесь подстраиваются под ее ритм. Для Ивана лето стало мостом между двумя мирами: привычной, устоявшейся жизнью в Сосновой Гриве и зыбким, манящим будущим в Екатеринбурге.

Летняя инженерная школа начиналась только в августе, и у него был в запасе июнь и июль – два месяца, которые нужно было «отработать» здесь, дома. Не в смысле отбыть повинность, а в смысле вложить в эту землю частицу себя перед долгой разлукой. Дед понимал это без слов. Он не стал беречь внука, а навалил на него работы сполна, будто проверяя на прочность перед дальней дорогой.

– Если за университетскую науку браться, руки от коровника не отсохнут, – говорил он, и в его словах не было насмешки, а была суровая правда. – Инженер без понимания, как мир устроен на ощупь, – пустоцвет. Вот, к примеру, мост. Рассчитаешь ты его по всем формулам, а про то, как грунт весной воду пьет и летом трескается, не подумаешь – рухнет твой мост.

Иван работал. Он пилил и колол дрова на следующую зиму – тяжелая, монотонная работа, от которой спина ныла, а ладони покрывались новыми мозолями поверх старых. Он помогал деду ставить новую баню, ворочая тяжелые листовенничные бревна, чувствуя, как под корой скрывается вековая прочность. Он ходил с бабкой Аксиньей собирать травы в предгорья – чабрец, зверобой, иван-чай. Она учила его не просто рвать, а «разговаривать с растением», благодарить его и брать ровно столько, чтобы заросли не оскудели. Это была иная наука – наука бережного взаимодействия, не менее сложная, чем физика.

Именно во время сенокоса, в лугах за поселком, случился разговор, который Иван запомнил навсегда. Они с дедом, разгоряченные работой, присели отдохнуть на скошенную, душистую траву. От реки тянуло прохладой и запахом влажного песка. Дед достал из сумки бутылку кваса, отпил и передал Ивану.

– Скоро уезжать, – констатировал он, глядя на дымчатые вершины хребта на горизонте.

– Да, – просто ответил Иван.

– Город – он тебя попытается переделать. Под себя. Шумом, суетой, соблазнами. Люди там другие. Мысли их вертятся вокруг иного. Деньги, карьера, удобства.

– Я поехал не за этим.

– Знаю. Но вода точит камень не силой, а постоянством. За год-два можешь и не заметить, как твои «думания» станут городскими. Начнешь искать легких путей. Красивых теорий. А жизнь, Ваня, – она здесь. Грубая, простая, как этот грабли. Но честная. – Дед потрогал занозу в своей ладони. – Не забывай, зачем едешь. Ты едешь за инструментом. Инструмент не должен стать целью. Им делают дело. Твое дело – здесь.

Он помолчал, а потом добавил тише, как будто признаваясь не внуку, а самому себе:

– Отец твой, когда из города вернулся, первое время тоже скучал. По асфальту, по свету фонарей, по людскому гомону. Потом втянулся. Нашел свое дело. И душа успокоилась. У каждого своя дорога к дому. Длинная или короткая. Но приводящая сюда.

Эти слова стали для Ивана внутренним компасом. Он понял, что дед боится не того, что он не справится с учебой. А того, что городская жизнь вытравит из него эту уральскую «породу», эту особую статью души – молчаливую, крепкую, связанную с землей невидимыми, но прочными корнями.

В июле пришло официальное приглашение из университета с подробной инструкцией. Иван впервые увидел распечатанный на цветном принтере лист с логотипом вуза. Бумага пахла чужеродно, типографской краской, а не древесной пылью и дымом. Бабушка Аксинья, осторожно взяв лист в руки, прослезилась.

- Умная бумага, – прошептала она. – Смотри, Ванюша, не потеряй.
- Она не умная, баб, – поправил ее дед. – Умный тот, кто ее заслужил.

Сборы были недолгими. Вещей – минимум. Дед настоял на одном: Иван должен взять с собой чекушку, тот самый топорик, что был с ним на перевале.

– Не для драки. Для памяти. Чтобы в городе, когда тоска возьмет или сомнения, в руках подержать. Вес его, запах рукояти. Оно напомнит.

Накануне отъезда Иван поднялся на старую пожарную вышку на краю поселка. Оттуда открывался вид на все Сосновую Гриву: на покосившиеся избы и новые срубы, на синюю ленту реки, на бесконечное, волнующееся, как застывшее море, таежное море до самого горизонта. Он смотрел и пытался запечатлеть эту картину в памяти навсегда. Шум ветра в вершинах сосен, холодок дерева перил под ладонями, далекий крик коршуна. Это был его мир. И он покидал его добровольно, с тревогой и надеждой в сердце.

До Екатеринбурга ехали на поезде. Провожали всем поселком. Гаврилыч хлопал его по плечу, суя в карман шоколадку. Марья Петровна, его учительница, сунула в руки томик Пастернака: «Там, говорят, про природу хорошо. Чтобы не забывал». Дед обнял его крепко, молча, и Иван почувствовал, как дрогнули стариковые плечи. Бабушка перекрестила, шепча что-то беззвучное.

Поезд тронулся. Сосновая Грива поплыла за окном, уменьшаясь, превращаясь в игрушечную, а потом и вовсе исчезла за поворотом. И тут Ивана накрыло. Не шумом колес, а оглушительной, физической тишиной. Той самой, уральской тишиной, которую он увозил с собой в душе. И ею было наполнено все его существо, контрастируя с грохотом вагонов и чужими голосами.

Екатеринбург встретил его не просто шумом. Он обрушился на него лавиной. Световой, звуковой, обонятельной. Рев моторов, визг тормозов, гул голосов из миллионов уст, мерцание неоновых вывесок, отражающихся в стеклах высоченных зданий. Воздух был густым, теплым, пахнувшим бензином, асфальтом, пищей из уличных ларьков и чем-то еще – безостановочным движением. Он вышел на привокзальную площадь и замер, чувствуя себя песчинкой, затерянной в гигантском, бездушном механизме.

Университетский кампус оказался островком относительного спокойствия в этом океане суеты. Старинные корпуса из красного кирпича соседствовали с ультрасовременными стеклянными зданиями. Повсюду сновали студенты – уверенные, громкие, одетые в самую разную, часто странную для деревенского глаза одежду. Иван, с его простым рюкзаком и серьезным, сосредоточенным лицом, чувствовал себя белой вороной.

Расселили их в общежитии, по двое в комнате. Соседом Ивана оказался парень из Челябинска, Дима, бойкий, говорливый, помешанный на робототехнике и компьютерных играх. Он с любопытством оглядел скромные пожитки Ивана, задержавшись взглядом на чекушке, аккуратно завернутой в тряпицу.

– Ого! Сувенир? – спросил он.

– Инструмент, – коротко ответил Иван.

Дима не понял, но пожал плечами, решив, что у парня с глубинки свои причуды.

Первые дни прошли в тумане. Лекции, экскурсии по лабораториям, где стояло оборудование, о котором Иван читал только в журналах. Поначалу его поражал масштаб, блеск технологий. Но очень скоро острота восприятия притупилась, сменившись другим чувством – отстраненности. Преподаватели говорили о глобальных трендах, нанотехнологиях, космических проектах. Это было интересно, умно, но... не касалось его. Не касалось Гремячего ручья, который мог бы крутить турбину. Не касалось ветра на перевале или старого дизель-генератора в Сосновой Гриве.

На одной из лекций по энергетике профессор, молодой и амбициозный, с жаром рассказывал о перспективах термоядерного синтеза. Иван, не выдержав, поднял руку.

– Скажите, а есть ли у нас исследования по низкопотенциальным источникам? Для удаленных, малых поселений? Чтобы от речки или от тепла земли? Просто КПД у дизеля низкий, а топливо дорогое...

В аудитории повисла легкая пауза. Профессор улыбнулся снисходительно.

– Молодой человек, это, конечно, важные, но локальные задачи. Мы готовим инженеров для больших проектов, для будущего. За вами – Сибирь, Арктика, космос! А малые ГЭС... это вчерашний день, кустарщина.

Кто-то из студентов тихо хихикнул. Иван сел, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Не от обиды, а от ясного, холодного понимания. Его «думания» здесь были никому не интересны. Они были слишком приземленными, слишком «грязными», связанными с реальной, непарадной жизнью.

Вечером, лежа на жесткой общежитской кровати и слушая, как Дима стучит по клавиатуре, он достал из рюкзака чекушку. Развернул тряпицу, взял в руку. Знакомый вес. Запах березового капа и стали, не перебитый никакими городскими ароматами. Он закрыл глаза и представил себе не кампус, а деда у печи, склонившегося над какой-то железкой. «Инструмент не должен стать целью. Им делают дело. Твое дело – здесь».

В тот момент он понял, что профессор ошибался. Не малые ГЭС были вчерашним днем. Вчерашним днем была оторванная от земли наука, гордая и бесполезная в своей абстрактной величине. Его дело, его будущее не было здесь, в этих стенах. Оно было там, за сотни километров, в его березовом краю, где ветер гулял на просторе, а реки текли, не принося пользы.

Но сдаваться было не в его правилах. Он приехал за инструментом. И он его возьмет. Даже если придется добывать его самому, вопреки общему течению. Он перестал пытаться вписаться. Он замкнулся в себе, наблюдая, впитывая знания выборочно, как губка, отсеивая шелуху громких слов и находя крупинцы практической пользы. В библиотеке он искал не новейшие монографии, а старые, потрепанные сборники по сельской энергетике, по ветрякам 50-х годов, по малым гидростанциям. Он нашел единомышленника – пожилого лаборанта, дядю Васю, который когда-то сам строил такие станции на севере. Тот, увидев интерес Ивана, тайком от всех показывал ему забытые на складах чертежи, делился опытом, а главное – пониманием.

– Тебя, парень, на другом месте надо учить, – сказал как-то дядя Вася, попыхивая дешевой сигаретой в подсобке. – Не здесь, где про космос думают. А в хорошем политехе, где руки из правильного места растут. Но раз уж попал сюда – держись за свое. Не дай перемолоть.

Так Иван и держался. Как скала посреди быстрой городской реки. Он учился, но учился по-своему. Он видел будущее, но не в блеске космических кораблей, а в тихом гуле небольшой, но надежной турбины на родной речке, в тепле от земного тепла для бабушкиной теплицы, в свете, который не гаснет зимней ночью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.